

Александр Муниров

О кредитах

Александр Муниров

О кредитах

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18799035

ISBN 9785447483647

Аннотация

Эта книга ни в коем случае не поможет вашему материальному благополучию. Нет, речь вовсе идет не о деньгах. Представьте, на аккуратном бланке без герба стоит расписка, что вы (никаких паспортных данных указывать не надо) согласны получить задаток возможностей сроком на десять лет. А взамен всего лишь обязаны отчитываться о том, как идет ваша жизнь. Согласны?

О кредитах

Александр Муниров

© Александр Муниров, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero
– Молодой человек, не хотите взять кредит? – вопрос был задан в тот момент, когда я меньше всего хотел кредитов. Два часа назад поссорился со своей девушкой, а час назад по этому поводу и со злости немного выпил и в таком лихом околопьяном состоянии возвращался домой, рассчитывая там упасть на диван и предаться страданиям о никчемности своего существования.

Так у меня было заведено в молодости – лежать на диване в черные дни и размышлять о чем-нибудь соответствующего цвета вроде всеобщий циничности или вселенской несправедливости. И утешать себя тем, что мир вообще крайне несправедлив к населяющим его людям. Постепенно страдания переходили в сон, особенно, если я был нетрезв, а наутро и вовсе сходили на нет и все ощущалось значительно лучше.

У всех свой способ терапии. Знавал я человека, предпочитавшего стоять на мостах, размышляя, о том прыгать ему или не прыгать. В своей жизни ни разу так и не прыгнул, но мысли о том, что он всегда это может сделать, несколько успокаивали и настраивали на положительный лад. Появля-

лось ощущение, будто бы он совершает героическое деяние и не прыгает лишь потому, что у него незаурядная сила воли вопреки вселенскому равнодушию.

Не удивляйтесь, мир полон разного рода нервных личностей, каждая из которых ищет свой способ не показывать свое бессилие. Мой диванный метод, думаю, не так эффектен, чем размышления на мосту, но по-своему более комфортен.

Я поднял глаза.

На меня смотрела, приветливо улыбаясь, девушка в ослепительно белом деловом костюме. В руке планшет, а судя по причёске и ногтям она относилась к тем людям, какие мне никогда не улыбались даже по делу.

Такие, как она, следили за собой, предпочитая нравиться людям, и знали сотню и один способ привлечь к себе внимание. Во всяком случае, их замечали куда чаще, чем меня. Я же предпочитал говорить о таких, как она, гадости вроде того, что эти люди постоянно притворяются в обмен на интерес со стороны окружающих. Я понятия не имел правда это или нет, но полагал, что когда говорю о них так, то в глазах моих собеседников привлекательные люди опускаются со своих социальных небес до моего уровня. И при этом я получал моральное право не надевать чистую футболку. Или там, подстригаться.

– Меня устраивает, – говорил я о себе, – а если кто-то против, то это его проблемы.

Проблемы окружающих ко мне обычно выражались в отношении, которое вкратце хорошо иллюстрируется словами «вот чмошник-то». Не то чтобы я этого не чувствовал, но относил насчет общей несправедливости мира и эта мысль гре-ла, подпитываясь общим нежеланием что-либо менять.

Удивительно еще, как моя девушка это терпела. Впрочем, подозреваю, что я за нее держался больше, чем наоборот. Я мог говорить, что не одинок, и это давало некоторый бонус перед теми, у кого вообще никого не было. А так как бы-ли и такие, то их существование автоматически превращало меня из неудачника в Человека с Личной Жизнью.

– У вас найдется пять свободных минут, чтобы выслушать мое предложение? – взгляд девушки оценивающе скользнул по мне и вернулся к глазам. Ее улыбка не потускнела, и это было так неожиданно, что я невольно ответил:

– Найдется...

Мы стояли на улице, было начало лета. По небу ползли облака, собирался дождь и дул свежий ветер. Девушка бы-ла одета легко, и складывалось ощущение, что если я сей-час откажу, то ей и дальше придется стоять здесь и мерзнуть в ожидании человека, который согласится ее выслушать.

– Скажите пожалуйста, вы удовлетворены своей жизнью? Это вопрос не для статистики, но от него зависит, какой па-кет услуг я смогу вам предложить.

– Ээ... удовлетворен? Ну, пожалуй, что нет, – промямлил я в ответ.

Это было верным ответом на вопрос. Следующие три минуты девушка рассказывала мне о том, что согласно исследованиям, восемьдесят человек из ста недовольны своим положением, но лишь половина из них в этом признается. Из этих слов выходило, хотя прямо она не сказала, что я смелее целых сорока процентов неудачников, то есть, как минимум, трех миллиардов людей, что уже чего-то да стоило.

Еще примерно с минуту она рассказывала, что многим стать счастливее гораздо проще, чем кажется, и что для этого просто не хватает резерва собственных сил и талантов. Но если бы им дали чуть больше, чем эти люди сейчас имеют – шансы исправить жизнь в лучшую сторону несомненно бы появились.

Как ни крути, но ее слова очень верно описывали мою ситуацию. Я был молод, беден, жил с родителями, работал на плохо оплачиваемой работе, но когда лежал на диване и предавался унынию верил, что достоин большего.

– Все верно, – говорила девушка, – люди осознают свой потенциал на подсознательном уровне, но многие социальные факторы и неверно направленный вектор, заданный, скажем, родителями, не позволяет нам его реализовать.

Последняя минута ушла на рассказ о том, как жизненная ситуация и мнения других людей настраивают идти не тем путем, каким хочется, а более сиюминутно выгодным, хотя в долгосрочной перспективе он не сулит никаких преимуществ. Вроде как выйти замуж до двадцати пяти лет, пото-

му что это сиюминутно более социально значимо, чем потом всю жизнь мучиться неверным выбором супруга, так как времени выбрать достойного кандидата не было.

Я не все понял из ее речи, но не успел опомниться, как уже подписывал договор. Нет, это были не деньги, иначе отказался вопреки любым уговорам. На аккуратном бланке без герба стояла расписка, что я, такой-то (никаких паспортных данных указывать не надо было), согласен получить задаток возможностей, сроком на десять лет (можно и больше, но уже за деньги сказала девушка). Взамен я обязывался отчитываться о том, как идет моя жизнь.

– И все. Всего лишь несколько вопросов и никаких особо личных, вроде размера заработной платы или там... сексуальных предпочтений, – она чуть стыдливо улыбнулась, чем окончательно меня покорила, – взамен вы получаете десять лет. 3650 дней (3653 или 3654, если брать високосные года), 87672 часа (58448, если выбросить время на сон).

Все эти числа она знала наизусть.

Мы обменялись номерами телефонов. Я ей написал номер в планшете, она – сунула визитку, которую я спрятал в кошелек между банковской карточкой и скидкой в одном фастфуде.

И лишь расставшись с ней и пройдя пешком пару остановок, я понял, какой это, на самом деле, бред, и что в так называемом «кредите» нет ни смысла, ни юридической силы, и что он больше похож на оригинальный способ пикапа.

Но если это действительно так, то способ отличный, и в моем случае он удался на сто процентов.

Через неделю меня бросила девушка. Та самая, за которую я держался больше, чем она за меня.

Причина была высказана максимально лаконично:

– Все просто. Ты не тот, понимаешь?

Я понимал. В первую очередь понимал то, что меня взяли и променяли на кого-то «того». Мы неделю не виделись с той ссоры, кое-как общаясь по телефону, скорее вежливости ради, чем потому что хотелось. Обменивались вялым «как дела?». Я ждал, что она сделает первый шаг и извинится, но этого не происходило.

И вот, дождался. Это звучало как приговор. «Не тот».

Если бы, думаю сейчас, ее бросил я то, наверное, было бы не так больно. В конце концов, к тому моменту наши отношения уже изжили себя. Кроме того, она была старше ей хотелось детей и стабильности, а я, при каком-никаком уме и нераскрытом потенциале, если верить той блондинке с кредитами, не мог, да и не хотел этого обеспечивать. С чисто прагматической точки зрения все было верно.

Но, с точки зрения собственного положения, слова «не тот» звучали как клеймо, которое выжигают на людях второго сорта.

– О, кажется, мои возможности теперь позволяют мне первый сорт! – вот что говорили эти слова.

Я смутно помню, чем занимался в последующие несколько дней. Опять пил, ходил по друзьям, валандался где-то на улице просто так, без цели. Слушал тоскливые песни о несчастной любви в плеере. Валялся на диване и с трудом заставлял себя ходить на работу. Хотел даже рассказ написать на эту тему, но как-то не сложилось.

Дня через три или четыре, когда я еще в полной мере осознавал себя ничтожеством, но уже обрел способность делать что-то осмысленно, начал выбрасывать все то, что мне больше никогда не понадобится – разные вещи, так или иначе связанные с ней. На мое удивление, их оказалось не так уж и много: несколько фотографий, пара записанных в блокнот телефонов ее подруг, какие-то бантики от гелей для бритья, что она мне дарила на все прошедшие праздники. Девушку крайне раздражало то, что я хожу небритым. Она считала, что так я демонстрирую свое неуважение к ней.

О бантиках бывшая дама сердца тоже регулярно расспрашивала – почему-то ей казалось, что кощунственно выбрасывать всякие элементы украшений от ее подарков. Это, мол, является свидетельством моего равнодушия к тому чувству, которое она вкладывала, повязывая бантик на гель.

Занимаясь этой уборкой я все больше злился на и нее и на себя.

Вот, например, открытки. Пара валентинок с напечатанным заводским текстом. Картонки по другим случаям с банальными картинками, с простыми короткими подписями

типа «От всей души желаю...» ...чего-нибудь, в зависимости от праздника. Одна открытка с явно переписанным текстом из какого-то другого источника, от которой сквозило шаблонностью, какая всегда встречается в четверостишиях, типа:

*В этот светлый день желаю
Не знать ни горестей, ни бед,
И с поздравлением этим, знаю,
Тебя ждет много светлых и прекрасных лет!*

А раньше я думал, что это мило.

Открытки я аккуратно рвал на четыре части и отправлял в мусорное ведро.

Вечером же опять напился, на сей раз у друзей, а ночью, когда возвращался домой, полез за деньгами, чтобы расплатиться с таксистом, и случайно вытащил белую визитку с номером телефона. Выйдя из машины, я сел на лавочку у подъезда и внимательно ее рассмотрел. На белоснежном картоне был номер. Золотые буквы. Ни названия фирмы, ни имени контактного лица, ни логотипа.

Подумав немного, я достал телефон.

Три гудка, за которые я успел подумать, что если это розыгрыш, то сейчас все выскажу, что думаю о десяти годах улучшений. А если это не розыгрыш, то рабочие часы уже закончились и мне никто не ответит...

– Слушаю вас, – раздался в трубке деловой женский голос.

Судя по интонации, его владелица не спала.

– Здравствуйте... – сказал я.

– Здравствуйте, – дружелюбно ответили на том конце.

– Я у вас... взял какой-то кредит, или как там его... меня зовут... – представился я, чувствуя себя идиотом.

– Я вас помню, – сказал голос, – все в порядке?

– Как вам сказать... Вы сказали, что мне это поможет, а я что-то пока не замечаю никакого эффекта, – с каждым своим словом я понимал, что мое опьянение чувствуется даже по телефону. И слова звучат по-дурацки и жалко, словно я сам себя в эту минуту признаю никчемным, да еще и перед посторонним человеком.

– Не беспокойтесь, все еще впереди! – ответила девушка. В ее голосе слышалась твердость и уверенность, каких у меня отродясь не водилось.

– Да? А когда?

– У всех по-разному. Но эффект будет. Вы сами увидите.

Я помолчал в трубку, понимая, что дальше жаловаться на жизнь не стоит, и не зная, что еще можно сказать.

– Всего хорошего! – сказала девушка и отключилась.

Как вы понимаете, это был не последний наш контакт.

В следующий раз она позвонила месяцев через восемь, и я бы не сказал, что прошедшее время было судьбоносным в моей жизни. Все, что я успел сделать – это на некоторое время уехать из города в командировку и вернуться

назад. Особо в поездку не рвался, но зато по приезду было о чем рассказать друзьям и на короткое время стать среди них своеобразным героем, так как никто из моих друзей тогда по командировкам еще не ездил.

Там я начал отращивать волосы и бороду и вернулся домой весьма лохматым. На работе это сочли чудачеством, женщины хихикали за моей спиной, но, как часто бывает, быстро перестали обращать на это внимание. Наверное, стоит сказать спасибо моей, уже сложившейся репутации человека, на которого никто особо не делает ставку, и потому не будет заставляя его заморачиваться на дресс-код. Меня и в командировку-то отправили только затем, чтобы сидеть и ждать, пока выдадут нужную кипу договоров. Все, что я там делал – это занимал очереди под дверями разных начальников и ждал, пока мне все подпишут. Но друзьям-то я, понятное дело, рассказывал иное.

– Вообще-то девушкам свойственно менять прическу после неудачной личной жизни, – заметил один мой друг. Тот самый, что стоял на мостах: – может быть, ты их еще и перекрасишь?

Колкость прошла мимо. По окончании месяца мне уже стало легче, а еще через три я окончательно уверовал в то, что мы расстались к лучшему. Через восемь месяцев я уже всю рассуждал о том, что личная жизнь только съедает время и пользы от нее значительно меньше, чем расстройств. Плюс необходимость подстраиваться под определенного че-

ловека или тратить время и силы на ругань.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.